

Октября 4 (17)

Священномученик
Иаков Бобырев

Священномученик Иаков (Яков Иванович Бобырев) родился 25 ноября 1883 года в селе Букреевка Курского уезда Курской губернии в крестьянской семье, в которой оставались крепкими православные традиции и сам дух был подвижнический: его дядя по отцу, Сергей, ушел в Калязинский монастырь Тверской губернии, где принял постриг с именем Алексей. Яков окончил пять классов церковно-приходской школы и двухклассное училище, что позволило ему в 1901 году занять должность учителя церковно-приходской школы в селе Щетино. В 1903 году Яков Иванович поступил псаломщиком в храм села Плаксино Курского уезда, где прослужил до 1915 года, когда был призван в армию. В 1918 году он вернулся в то же село и стал служить здесь псаломщиком, через два года он был рукоположен в сан диакона, но продолжал исполнять обязанности псаломщика.

В конце двадцатых годов началось гонение на Православную Церковь, и диакон Иаков был приговорен к трем годам высылки из пределов Курской области за невыполнение хлебозаготовок. Он выехал в село Высокое Нерльского района Тверской области, где неподалеку, в деревне Никулино, жил его дядя, монах Алексей, обосновавшийся здесь после закрытия Калязинского монастыря. Отец Иаков жил как ссыльный, под надзором, и обязан был два раза в месяц являться на отметку в районное управление милиции.

В феврале 1930 года он был рукоположен в сан священника ко храму села Высокого. Крестьяне полюбили ссыльного священника за ревностное отношение к службе, и когда 13 декабря 1931 года о. Иаков неожиданно для всех был арестован, церковный совет сразу же обратился с прошением к властям, чтобы те освободили священника. В своем прошении они писали: «13 декабря 1931 года по какой-то неизвестной причине взяли у нас священника Иакова Бобырева. Мы, церковный совет, просим, чтобы вернули его к нам опять служить, потому что мы не замечали за ним никаких незаконных действий. Налог он уплатил в свое время, жил тихо, никуда не ходил, так как опасался, потому что был высланный. Агитации он никакой не вел, и мы думаем, что его взяли по чьей-нибудь клевете. И мы, церковный совет села Высокого, просим отпустить его к нам на службу».

Гонения на Церковь шли с конца 1929 года, но они не прекратились ни в 1930-м, ни в 1931-м году. Высланный из родных краев священник Иаков на новом месте снова стал подвергаться преследованиям. Указы властей с требованиями об организации новых и новых гонений понуждали ОГПУ беспрестанно собирать сведения о жителях, пристально следить за теми, кого ОГПУ предполагало арестовать. И одни лжесвидетельствовали, опасаясь тюрьмы и лишений, другие по должности, будучи председателями сельсоветов, секретарями партийных ячеек или членами коммунистической партии.

Сведения о том, что в селениях Сорокино, Поречье, Болдино, Высокое, Поповки и Никулино образовались группы религиозных крестьян, которые недовольны советской властью, стекались в Калининский оперативный сектор, которым руководил в то время Успенский. Одновременно со священником были арестованы и заключены в тюрьму и православные миряне: Михаил Егорович

Галкин, пятидесяти четырех лет, Анастасия Васильевна Савина, пятидесяти восьми лет, Варвара Тарасовна Смирнова, сорока четырех лет, Егор Васильевич Устинов, двадцати семи лет. 23 декабря ОГПУ арестовало Дарью Дмитриевну Устинову, пятидесяти четырех лет, и братьев Зайцевых – Ивана, тридцати девяти лет, и Василия, сорока одного года. Отца Варвары Смирновой, Тараса Федоровича, решили привлечь в качестве обвиняемого, но до времени не арестовывать из-за его преклонного возраста (семидесяти семи лет), взяв с него подписку о невыезде. Брата Михаила Галкина, Григория Егоровича Галкина-Шарунова, пятидесяти семи лет, которого ОГПУ почитало главой организации, доставили в Тверь в Рождество 1932 года из Кашинской тюрьмы.

*Священник Иаков Бобырев.
Тверская тюрьма. 1932 год*

В 1930-1931 годах государство приступило к организации колхозов, которые устраивались не только как форма хозяйствования, но и как нарочито безбожная организация. Ради более удобного грабежа народа государство вернулось к крепостной, полурабовладельческой форме, только во главе стояло не дворянское сословие, а представители безбожной администрации. Причем каждый такой представитель, будь то председатель колхоза или секретарь сельсовета, должен был исповедовать воинственное безбожие, доводя его до каждого члена коллективного хозяйства и жителя села. Для этого, кроме пропаганды, применялись многообразные средства. Например, верующих крестьян-колхозников заставляли работать не только в двенадцатые праздники, попадавшие на будние дни, но и во все воскресные дни. Отказ от работы в воскресенье становился в то время подвигом исповедническим. Для тех, кто по религиозным соображениям не желал оказаться в плену безбожников, существовали формы экономического давления, когда хозяйства таких крестьян

облагались непомерными налогами, а затем описывались за долги. Естественно, среди православных крестьян, привыкших к идее существования государства как православной монархии, начинало расти смущение, которое выливалось в конце концов в отрицательное отношение к безбожному правлению, что приводило к отказу платить налоги.

24 октября 1931 года состоялся суд над крестьянином деревни Сорокино Григорием Егоровичем Галкиным-Шаруновым, который был обвинен в неуплате налогов: «Обвиняемый Григорий Галкин злостно уклонялся от предъявленного ему задания, несмотря на то, что хотя он и не имел земли в поле, ввиду того что от таковой отказался, но, однако, имеет усадьбу, на каковой имелся покос, почему и данное задание вполне было реально. Хотя обвиняемый работает по валке сапог без применения наемной силы, но, как видно по словам обвиняемого и свидетелей, занимается этим промыслом постоянно, почему и отказался от полевой земли. Из вышеуказанной работы он извлекает прибавочную стоимость, так как имеет шерстобойную машину, покупает на вольном рынке шерсть и валяет сапоги, поэтому присланный налог вполне был для него реален в части уплаты, но как видно до настоящего времени, налог не уплатил и задание по сену не выполнил, даже отказался принять извещение от сельсовета. Из показания самого обвиняемого и свидетелей по делу видно, что обвиняемый Григорий Галкин на протяжении ряда прошлых лет и в данное время никаких заданий по налогам не платил и вообще не хотел считаться ни с какими советскими законами по своим религиозным убеждениям. При таковом положении дела суд считает, что со стороны обвиняемого – злостное уклонение от всех видов налогов и заготовок; он не считается с советскими законами и проводимыми мероприятиями».

*Григорий Егорович Галкин-Шарунов.
Тверская тюрьма. 1932 год*

Суд приговорил Григория Егоровича к пяти годам ссылки в отдаленные места СССР и конфискации всего имущества.

Проводить его в ссылку пришли жители двух деревень. Проводы были устроены в его доме, который по суду теперь отходил государству. Больше часа все собравшиеся молились и плакали, а затем, когда пришло время прощаться, Григорий Егорович сказал собравшимся: «Не плачьте, братие, не долго терпеть, придет время – и мы возрадуемся, но сейчас нам нужно терпеть и стоять за свое дело, не уступать безбожии».

Следствие, однако, на этом не закончилось, и против Григория Егоровича выдвинули новое обвинение; причем среди обвиняемых были уже и другие крестьяне.

Из главных свидетелей обвинения были председатель сельсовета и секретарь партийного комитета села. Председатель сельсовета показал о крестьянах: «Устинов Егор Васильевич, кулак, отец последнего сослан за неуплату налога, братья его скрываются. Устиновы лишены избирательных прав, а Устинов Егор не лишался, благодаря фиктивному разделу. Отец его имел сапожную мастерскую с применением наемного труда как до революции, так и после революции. Имел свою обувную торговлю в селе Нерль и в селе Нагорском. Отец его индивидуально облагался до 2000 рублей и подоходным налогом до 6000 рублей. Устинов Егор налога должен платить 15 рублей, но умышленно платить отказался, говоря, что кому буду платить, я советскую власть не признаю, признаю лишь кесаря царя, ему и буду платить подати. Я пошел к нему в дом производить опись имущества за неуплату налога, и когда пришел к дому, то таковой был заперт на замок, и я приходил к дому несколько раз, и когда ни приду, все заперт на замок, а Устинов Егор укрывался, дабы не дать произвести опись его имущества, и с трудом мне пришлось изъять описанное имущество.

По заготовкам всех видов, как-то: лен, рожь, овес и картошку, платить отказался, говоря, что не признаю советскую власть, а поэтому и выплачивать не буду, и до настоящего момента не выполнил.

Весной 1931 года прошла по сельсовету контрактация. Принято было всем обществом. Устинов Егор взял перед обществом обязательство засеять льно-семенем 0,15 га. Но не засеял, этим самым сорвал контрактацию.

В сентябре 1931 года по сельсовету проводился заем 3-го решающего года пятилетки. Устинов принять подписку отказался, говоря, что займы нам не нужны и подписываться я не буду.

В августе 1931 года по единоличному сектору и колхозникам проводилось самообложение, каковое было принято на все 100%. Устинов на собраниях не присутствовал, и когда пришли к нему за самообложением, то он ответил, что я не признаю самообложения, оно нам не нужно, и платить не буду.

Устинов Егор имеет связь с Устиновой Дарьей, село Поречье, которая доводится ему родственницей, последняя – кулачка, имела овчинную мастерскую с применением наемного труда. И до революции имела свою мелкую торговлю.

Во время проведения самообложения Устинова Дарья принять таковое отказалась, мотивируя, что я платить не буду, я не признаю власть антихристов, за что было описано ее имущество, и когда я пришел делать изъятие имущества, Устинова отказалась подчиниться в момент изъятия, говоря, что хотите, то и делайте, а я делать сама для вас ничего не буду. После изъятия, мною вручался Устиновой акт, который из моих рук она не взяла руками, а взяла две щепки,

какими прихватила акт, понесла к порогу и бросила возле двери. Устинова безземельная и налога не платит.

*Егор Васильевич Устинов.
Тверская тюрьма. 1932 год*

С Устиновой Дарьей имеет связь Савина Анастасия из села Поречье, которая также настроена антисоветски и не признает сельсовета. Среди женщин ведет антисоветскую агитацию, говоря, что в колхозы не ходите и не платите налоги, настоящая власть не от Бога, эта власть антихристов. Устинов Егор, Савина, Дарья Устинова имеют тесную связь с Шаруновым Григорием, который является организатором и руководителем. У последнего на квартире собирались нелегально собрания, где читались Шаруновым и Устиновым книги и ставились задачи не подчиняться советской власти и не платить никаких налогов. Означенные лица, входящие в группу Шарунова, тормозили проведение всех видов заготовок своей агитацией и неуплатой налога, ввиду чего среди населения с трудом проводились все мероприятия».

К действующему председателю был вызван и бывший председатель сельсовета, который, отвечая на вопросы следователя, сказал: «Галкин-Шарунов Григорий Егорович и его брат Михаил Егорович Галкин происходят из деревни Сорокино Романовского сельсовета. Смирнова Варвара и ее отец Тарас Смирнов из деревни Попово Романовского сельсовета, имеют тесную связь между собой и посещают друг друга. У Галкина Григория до его ареста были часто сборища и происходили читки книг. Вышеуказанные граждане были под влиянием Галкина Григория и антисоветски настроены, религиозных убеждений. Тарас Смирнов и его дочь Варвара как до революции, так и после революции занимались торговлей. Богаче их по деревне Попово нет. Под их влиянием находилась отсталая часть деревни, благодаря чему до настоящего момента в деревне

Попово нет колхоза и в колхоз никто не идет. Смирновы имеют землю, обрабатывают, но налогов никаких не платят и заготовки не выполняют, за что сын их, Василий Смирнов, сослан на три года. Я был председателем сельсовета, и во время самообложения в августе месяце я вручал оповещения, но Смирновы самообложение не приняли, говоря, мы не признаем ваших законов самообложения. Нам не нужно, и платить не будем.

Смирновы сеяли льноволокно, и когда сельсоветом проводились заготовки льноволокна, сдать отказались, говоря, никаких заготовок мы не признаем и сдавать не будем».

Секретарь партийной организации села Поречье показал: «Устинов Егор Васильевич из села Поречье является антисоветским элементом, не признает советскую власть и не подчиняется сельсовету.

Мне было известно как секретарю парткома, что Устинов состоит в какой-то организации и у него имеется контрреволюционная литература, книга с 26-ю протоколами, по которой он ведет антисоветскую агитацию среди крестьян. Я пошел к нему в квартиру и изъял у него книги. Устинов мне заявил, ты, мол, почитай вот эти протоколы, они будут для тебя полезны, и ты образумишься, а я ему дал книгу машинотракторной станции, говоря, почитай, для тебя тоже полезно. Устинов ответил, машинотракторная станция ведет к разрухе. У нас было раньше при царской власти в селе 130 лошадей, а сейчас осталось всего 40 лошадей. Отобрана у него Библия мною, он просил ее отдать обратно, так как он над ней работает для пользы, и когда я ему велел расписаться в акте, он отказался, говоря, что я советскую власть не признаю и от подписи отказываюсь, советская власть не от Бога дана».

Стали звать к допросу крестьян, некоторые из них показали:

«Я знаю священника Бобырева, который служил у нас в церкви. Его все уважают как священника, так как знают, что он пострадал за веру православную. Рассказывал он в моем присутствии: «Теперь власть гонит веру православную и истинных сынов церкви ссылает в ссылку». Что Бобырев устраивает спевки, знала от других женщин, но, ввиду того что у меня есть дети, я была только один раз, кажется, в мае месяце, число не упомяну. Когда я пришла, спевка уже началась, и что говорили, я не знаю, когда стала уходить, зашел разговор, Бобырев сказал: «У нас плохо верят, вот если бы таких прихожан, как в Поречье, Весках и Попово, было больше, ничего бы нам власть не сделала, я только и отдыхаю, когда бываю у них на беседе о вере». У кого он бывает, не сказал».

«Арестованный в настоящее время священник Бобырев в деревне Болдино служил около года. За это время сумел завоевать себе авторитет, так как в деревне знали, что он высланный, что создавало ему славу пострадавшего за веру. Весной текущего года в мае месяце Бобырев около двух раз у себя на квартире под видом спевки собирал женщин деревни, и только после того, как сельсовет запретил ему это, он собирать перестал, но все же женщины часто заходили к нему в дом под предлогом посещения живущей с ним монашки Виноградовой. Большая часть из посещавших священника Бобырева в колхоз не пошли, заявляя, что подождут, в то же время большая часть членов церковного совета вошла в колхоз, заявляя на собраниях: «Мы в колхоз пойдем, но не трогайте у нас священника, не облагайте налогом».

«В один из праздничных дней я, воспользовавшись тем, что ко мне пришла родственница, оставила ее с детьми, а сама пошла пораньше в церковь. До начала службы среди женщин шел разговор о том, как быть, идти или нет в

колхоз. В это время подошел священник отец Яков, фамилию я не знаю, и тоже вступил в разговор. Когда кто-то сказал, что народу стало ходить мало в церковь, отец Яков ответил: «Придет время еще будет меньше, истинные христиане будут молиться в украдку, чтобы власть не приставала и не угоняла в ссылку, как сделала со мной». У нас в доме отец Яков был всего один раз, на Ильин день, и после службы остался пить чай, у него с мужем зашел разговор о колхозах, и когда муж сказал, что не знает, как быть, идти или нет, о. Яков посоветовал: «Держись до последнего, не отказывайся и не соглашайся, а там видно будет, теперь надо быть непротивленцем, показывать вид, что соглашаешься, а делать по-своему». Муж сказал, что боится, что тогда разорят налогом, на это отец Яков ответил: «Надо отказываться платить, если все откажутся, ничего им не сделают».

В конце декабря стали вызывать на допросы обвиняемых. Иван Федорович Зайцев, отвечая на вопросы следователя, показал: «Я от колхоза отказываюсь, они нам не нужны, и с политикой не согласен, если в колхозе быть, надо отказаться от религии. Колхоз является разлагательным для истинного христианина. И если религия пойдет хотя с белыми войсками, я крещен при помазаннике Божиим Николае II, я и пойду за них, а за безбожную власть я в защиту никогда не пойду. В колхозах вечно брань, неурядицы, и поэтому колхозы крепки не будут. Я беседовал с колхозниками сам, они мне говорили, что в колхозе хуже, чем в единоличном хозяйстве, а я говорил, что пришло незаконное царство и мы должны терпеть. А разве это неправда? Вот мне дали непосильный налог – 196 рублей, а где мне брать, разве я могу выплатить, а не выплатил я, у меня отобрали часть имущества и телку. Разве это правильно? Вот я жил при царе вместе с отцом, с меня налога брали 13 рублей, а сейчас с меня одного берут 196 рублей. Ясно, мне тяжело, а некоторым при царе жилось хуже, так они сейчас живут лучше, чем мы. А кто они такие? Я сказать не могу, я буду лучше отвечать за свою душу. От займа государству я отказался ввиду того, что нет у меня лишних средств.

Самообложение я также не уплатил ввиду того, что не принимаю никаких самообложений, нет средств. В отношении теперешней власти, я таковую недолюбливаю, а поэтому у меня в квартире нет вождей, как Ленина, Сталина. Считаю, иметь их портреты в доме, где висят иконы, это запустить в дом демона, антихриста».

К Анастасии Васильевне Савиной власти в свое время послали в качестве постоянного агронома, теперь следователь ОГПУ, собирая сведения у всех, вызвал и его на допрос. Агроном, отвечая на вопросы, сказал: «Я живу на квартире у гражданки Савиной Анастасии более года. Савину часто посещала Устинова Дарья. Последняя доводится Савиной кумой. В квартире Устиновой происходят по вечерам читки книг и Библии. Савина очень хитрая женщина и держит дома себя осторожно. Является очень религиозной женщиной. Я, бывало, когда спрошу ее, почему ты, Савина, не идешь в колхоз, то ответ получал один, что она стара идти в колхоз. Однажды Савиной сельсоветом было вручено извещение об уплате единовременного налога, но Савина принять отказалась, я ей сказал, что надо будет уплатить тебе, с тебя причитается не много, 3 рубля, она ответила мне, не платила я 6 лет и платить не буду, и когда я стал давать ей в руки бумажку извещения сельсовета, она не взяла в руки, а велела мне положить где-нибудь на столе».

Обвиняемый Тарасий Федорович Смирнов показал: «Я и моя дочь Варвара Смирнова к Григорию Шарунову-Галкину ходили неоднократно, посещали его

Устинов Егор, Устинова Дарья и Савина Варвара из села Поречья. Собирались у него и проводили беседы, Шарунов Григорий читал нам книги. А что за книги, я вам, господин, отвечать не буду, не знаю. Сельсовета я не признаю, он дан не от Бога. Я чту царя и почитаю помазанника Божия Николая II. Отобранный портрет Иоанна Кронштадтского в моей квартире принадлежит мне, я почитаю его, он был правильный и грамотный человек.

*Иван Федорович Зайцев.
Тверская тюрьма. 1932 год*

Нам от царя батюшки Николая II плохого ничего не было, жилось лучше, и выбран он от Господа Бога, а сейчас власть хорошего нам не дала ничего. Живется плохо, власть безбожная. Больше отвечать вам ничего не буду. Я, господин, считаю себя православным христианином, и отвечать не буду».

Обвиняемый Василий Федорович Зайцев показал: «Я православный христианин и колхозы не признаю, я в колхоз никогда не пойду и другим не советую. Колхоз разлагающая организация и строится не по Закону Божию, в колхозе надо быть ударником, а я чужим трудом пользоваться не хочу, а хочу работать только своим трудом. Колхозы существуют за счет единоличников, колхозы обируют единоличников, берут хорошие земли, дают колхозникам все, а единоличникам ничего.

Я с такой политикой, проводимой советской властью, не согласен. Устинов Егор одних со мной убеждений, он также против коллективизации, мне с ним приходилось говорить, он человек хороший. Колхозы есть насилие, так говорит Устинов, говорю и я, в колхозах вечные бранки, непорядки, а потому они крепкими быть не могут. Я говорю всем и кому угодно, что кто пойдет в колхоз, тот должен изменить религии и отдаться власти безбожной, антихристовой. Дети у меня есть в нешкольном возрасте, а хотя бы и подросли, то я в школу не пустил

бы, так как в школе учат против религии, и чтоб дети стали безбожниками, я этого не допущу, буду учить детей дома, чтобы они признавали Закон Божий. С Шаруновым Григорием я знаком, он происходит из деревни Сорокино. Человек он грамотный и развитый. Знаю и Савину Анастасию из села Поречье, часто с ними встречался, но квартиру Шарунова я не посещал. Кто посещает, для меня неизвестно, и показать ничего не имею».

*Василий Федорович Зайцев.
Тверская тюрьма. 1932 год*

Обвиняемый Михаил Егорович Галкин показал: «Григорий Егорович Галкин-Шарунов является мне родным братом, человек он религиозный. Проживая в деревне Сорокино, он в своем доме устраивал религиозные собеседования с женщинами, которые собирались у него группами в 7-10 человек; на этих собеседованиях бывал и я, читал книги присутствующим и делал разъяснения: читал он Евангелие, Библию, протоколы сионских мудрецов. В течение 1930 и 1931 года они все время собирались для подобных разговоров и проработки указанной литературы, и, кроме того, читались книги «Антихрист» и «Может ли быть христианин социалистом». Хранились эти книги у разных лиц из состава этой группы, также давалась литература для прочтения крестьянам, брал и лично я к себе на дом. Шарунов является монархистом, он сторонник царской власти».

Обвиняемый Егор Васильевич Устинов, отвечая на вопросы следователя, сказал: «Из родственников имеются: отец Василий Устинов, выслан два года назад за неуплату налога, брат Иван Устинов, тридцати четырех лет, выслан с отцом за неуплату налога, брат Сергей Устинов, семнадцати лет, уехал к отцу, брат Василий Устинов, также уехал к отцу вместе с моей матерью. Сестра Мария Пескова живет замужем в селе Поречье.

Отец до революции и после имел сапожную мастерскую, до революции работало у него в мастерской десять человек рабочих, имел отец и двухэтажный деревянный дом.

Мое имущественное положение: дом 8-9 аршин, корова. Подвергался изъятию имущества – домашних вещей – за неуплату налога в размере семидесяти рублей в текущем году.

Галкина-Шарунова Григория я знаю, друг у друга с ним бывали, вели собеседования на религиозные и политические темы.

По своим религиозным и политическим соображениям я не только не платил налоги и не выполнял задания, но и ушел с работы из валяльной мастерской, чтобы там своим трудом не приносить пользу власти».

Дарья Дмитриевна Устинова на вопросы следователя ответила так: «Я малограмотная, принадлежу к истинно православным христианам и другой партийности не имею, вдова, одинокая, не судима, избирательных прав не лишена, русская, гражданка СССР.

Имущественное положение до революции: дом, двор, овчинная мастерская и один ученик, торговли не имела. После революции мастерскую 4 года сдавала в аренду. До революции была лошадь и корова. Сейчас земли не имею, имею дом, двор и сарай. Подвергалась изъятию домашних вещей за отказ от уплаты самообложения в размере тридцати шести рублей.

Советскую власть я считаю властью сатаны, которая попущена Богом для наказания грешных людей, считаю, что законной властью в России может быть только царская власть, так как царь является помазанником Божиим, поэтому я, как сочувствующая царскому строю, имела портреты Николая II и царицы.

Антисоветской агитации я не вела и, в частности, против колхозов не выступала».

*Михаил Егорович Галкин.
Тверская тюрьма. 1932 год*

*Дарья Дмитриевна Устинова.
Тверская тюрьма. 1932 год*

*Анастасия Васильевна Савина.
Тверская тюрьма. 1932 год*

Анастасия Васильевна Савина показала: «По происхождению дочь крестьянина, сама также занималась крестьянством, все время проживала в деревне, вдова, живу с матерью восьмидесяти трех лет. Землю бросила обрабатывать второй год, так как работать некому, неграмотная, принадлежу я к истинным православным христианам.

Советская власть сделала весь народ гражданами и безбожниками, а мы являемся истинными христианами, и никаких общих интересов у нас с гражданами (советскими) не должно быть, и мы должны избегать общения с ними. В колхозы идут только советские граждане, а я истинная православная христианка, поэтому я туда никогда не пойду, так как они от безбожной власти и являются антихристовыми».

Варвара Тарасовна Смирнова показала: «Проживаю с отцом, все время безвыездно живу в деревне, занимаюсь сельским хозяйством. В хозяйстве отца также жил брат, Василий Смирнов, тридцати одного года, у которого семья состояла из жены и двух детей. Земля имелась только на брата. Брат выслан в 1931 году за невыполнение задания по хлебозаготовкам. Я малограмотная – умею только читать печатное.

Я являюсь истинной христианкой и считаю, что советская власть является властью богопротивной и антихристовой, но допущенной Богом за грехи людей. Я эту власть не признаю. Никогда не согласна помогать власти, то есть платить налоги, сдавать хлебозаготовки и выполнять какие бы то ни было другие ее мероприятия. Я признаю единственно законной властью – власть царя, помазанника Божия, я согласна платить налоги и другие повинности только царю».

Григорий Егорович Галкин-Шарунов показал: «Советской власти я не признаю, так как дела этой власти противны Богу. Законной властью признаю лишь царскую власть. На этом основании я противник каких бы то ни было мероприятий, исходящих от власти.

Я против уплаты налога, сдачи по заготовкам хлебных излишков, так как это идет на укрепление власти антихриста и чинимые им безбожные дела.

Я против обучения детей в школе, и своих детей там я не обучал, так как с приходом этой власти из школ изгнано религиозное влияние и введено сатанинское обучение, называемое политграмотой.

Я против чтения и распространения советской литературы и печати, так как она противоречит моим политическим и религиозным убеждениям.

Я против вступления в колхозы или в члены кооперации, так как это разлагающие организации, организованные советской властью, вступающие туда должны поступать вопреки своей совести и убеждениям.

По соглашению с местным священником села Высокого Иаковом Бобыревым и совместно с ним я производил читки религиозных книг в сторожке указанной церкви перед началом церковной службы и давал объяснение текста в духе моих политических воззрений.

Также я создал вокруг себя в деревне Сорокино группу истинных христиан из крестьян окружающих деревень: Вески, Поречье, Сорокино, Никулино, Попово».

Священник Иаков Бобырев на вопросы следователя так ответил: «С гражданами Нерльского района Галкиным Григорием, Галкиным Михаилом и другими я связи не имел, знал их как прихожан соседнего села Поречье, находящегося от села Высокого в двух верстах; тогда в селе Поречье служил священником Александров, упоминаемые лица принадлежали к его приходу, а когда Александров выбыл в село Губино, то часть указанных лиц стали ходить в церковь села Высокого. Галкина я знаю потому, что он приходил с литературой в церковную сторожку в село Высокое, читал ее там верующим перед началом

службы, доказывая, что существующая советская власть является властью антихристовой – безбожной...

*Варвара Тарасовна Смирнова.
Тверская тюрьма. 1932 год*

Устинова Егора я знаю и бывал у него всего один раз. Анастасию Савину я также знаю, но у нее я не бывал, она же бывала у меня в церкви, заказывала служить всенощную на 19 декабря сего года, обыкновенно всенощную заказывали сообща несколько человек, чтобы совместно помолиться, но кто должен был молиться на этой всенощной, я не знаю, ее служить не пришлось, так как я был арестован.

Зайцевых Василия и Ивана я знал, так как они являются моими прихожанами, бывал у них во время хождения по приходу.

Я среди населения не говорил, что нужно не в колхозы поступать, а подталкивать баб к восстанию и готовить оружие. Не говорил, что эту власть скоро погонят, как гнали французов в 1812 году».

Виновными в предъявленных обвинениях признали себя Михаил и Григорий Галкины и Устинова Дарья. Остальные себя виновными не признали, а некоторые высказали и свое мнение по этому поводу. Анастасия Савина, когда тюремный надзиратель вывел ее к следователю Успенскому, сказала ему: «Перед властью я никогда себя виновной не признаю, виновной я могу быть только перед Богом». Варвара Смирнова на вопрос Успенского, считает ли она себя виновной, сказала: «Виновной себя в предъявленном обвинении не считаю, я говорила то, что я чувствовала, как я понимала слово Священного Писания. Умру, а своих убеждений не изменю. Протокол подписывать не буду, так как не желаю подписывать советские бумаги».

Допрошенный Успенским священник сказал: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю категорически, так как агитации я не вел и в антисоветских группировках не участвовал».

13 марта 1932 года Тройка ОГПУ вынесла постановление: Григория Егоровича Галкина-Шарунова заключить в исправительно-трудовые лагеря сроком на десять лет, его брата Михаила – сроком на пять лет, как и всех остальных, включая священника.

Отец Иаков Бобырев и еще шестеро осужденных были отправлены в Свирские исправительно-трудовые лагеря вблизи станции Лодейное Поле. В конце 1933 года, по прохождении половины срока, о. Иаков написал ходатайство о пересмотре его дела и об освобождении, так как он не считал себя виновным. ОГПУ отклонило ходатайство.

В конце 1936 года о. Иаков вернулся в село Высокое, где пять лет назад был арестован, и снова стал служить в том же храме. Части прихожан уже не было: одни – сосланы, заключены в исправительно-трудовые лагеря, другие – скончались, третьи за это время отступили от церкви и смотрели на веру православную, на храм Божий, когда-то родной, на божественную службу в нем и на священника как на нечто обличающее их и потому ненавистное. Но были и другие – оставшиеся верными Богу и православной вере, которые по-прежнему ходили в храм и готовы были идти за веру на мученичество. Большею частью теперь это были женщины.

Не прошло и года служения о. Иакова в храме, когда поднялись с новой силой гонения, и 27 сентября 1937 года священник был арестован и заключен в тюрьму в Кашине. В качестве свидетелей были допрошены председатель сельсовета, бригадир колхоза, рядовые колхозники, а из крестьян-единоличников – неверующие (не всегда нежелание идти в колхоз соединялось с православными убеждениями). Самыми характерными показаниями, вобравшими в себя все лжесвидетельства, были показания бригадира колхоза. Он показал: «Яков Бобырев настроен враждебно против советской власти, в результате чего, безусловно, скрыто проводит контрреволюционную деятельность среди колхозников, что и отражается на проводимых сельскохозяйственных работах в колхозе. Особенно в религиозные праздники – народ уходит в церковь, и работа срывается в колхозе, точно указать факты его агитации не могу, так как он очень скрыто проводил контрреволюционную деятельность. Со своей стороны считаю, его бы давно надо было убрать из нашего селения, этим самым дали бы нормально проводить работу в колхозе без всяких срывов».

4 октября следователь допросил священника.

– Вы обвиняетесь в проведении антисоветской деятельности. Расскажите о фактах вашей антисоветской деятельности.

– Я виновным себя в проведении антисоветской деятельности не признаю, и антисоветских фактов агитации с моей стороны за время после прибытия из ссылки не было, – ответил священник.

– Следствие располагает достаточными данными о вашей антисоветской агитации. Требую правдивых ваших показаний.

– Вторично показываю, что с моей стороны антисоветской агитации не было.

– Следствие располагает данными, что в конце июля месяца 1937 года среди колхозников вы вели агитацию за срыв предвыборной кампании в Верховный Совет, указывая, что «только одни коммунисты будут голосовать и будут только их выбирать». Признаете ли такое антисоветское высказывание?

– Нет, с моей стороны агитации в антисоветском духе о выборах в Верховный Совет не было...

– Следствие имеет данные, что вы в августе 1937 года угрожали колхозникам расправой с контрреволюционным высказыванием о неизбежной перемене существующего строя в СССР. Признаете ли такой факт контрреволюционного высказывания?

– Нет, колхозникам я никому не угрожал, а также контрреволюционного высказывания о перемене существующего строя в СССР я не говорил, такого факта я не признаю.

– Следствие располагает данными, что вы в момент общественно-политической кампании по подписке на заем обороны страны вели антисоветскую агитацию среди колхозников против подписки на заем. Признаете ли это?

– Это я отрицаю, агитации против подписки на заем я не проводил. Это такое мнение создалось у председателя сельсовета. А было это потому, что один раз я остановился поговорить с гражданином села Высокого, но я ему о том, чтобы не подписываться на заем, ничего не говорил.

15 октября Тройка НКВД приговорила о. Иакова к расстрелу. Священник Иаков Бобырев был расстрелян через день, 17 октября 1937 года.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 256-274